

И. А. ЕСАУЛОВ

КАТЕГОРИЯ СОБОРНОСТИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. А. ЕСАУЛОВ

КАТЕГОРИЯ СОБОРНОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Петрозаводск
Издательство Петрозаводского университета
1995

В книге рассматривается ведущая категория русского православного христианства и ее отражение в истории отечественной словесности. Отдельные главы посвящены "Слову о Законе и Благодати" митрополита Илариона, "Слову о полку Игореве", "Капитанской дочке" Пушкина, "Миргороду" и "Мертвым душам" Гоголя, "Войне и миру" Толстого, "Братьям Карамазовым" Достоевского, "Студенту" Чехова, исследован "религиозный вектор" литературы советского периода русской истории. Поэтика литературы русского зарубежья рассматривается на материале произведений Набокова и Шмелева.

Книга представляет собой богатый материал, который может быть использован для последующего создания принципиально новой истории русской литературы, глубоко связанной с доминантным для отечественной культуры типом христианской духовности.

В оформлении обложки использован макет
к проекту восстановления Храма Христа Спасителя
художника Ю. Селиверстова

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Петрозаводского государственного университета

Рецензенты:

professor Jostein Børtnes, University of Bergen, Norway
профессор Т. Г. Мальчукова, Петрозаводский университет

Введение

Существующая "постсоветская" история русской литературы находится в глубоком кризисе, который вряд ли можно преодолеть частичными "исправлениями" и частичными "улучшениями". Требуется новая *концепция русской литературы*, причем крайне наивно представлять дело таким образом, что достаточно лишь описать и систематизировать ранее неизвестные литературные и культурные факты — и на основе этой систематизации сама собой родится, наконец, "подлинно научная" история литературы, скорректированная и "полная" по отношению к истории уже существующей. Однако, к сожалению, именно такое "позитивистское" мышление преобладает в настоящее время в среде отечественных литературоведов.

Между тем дело не столько в заполнении "лакун", сколько в кардинальном переосмыслении самих исходных посылок подхода к своему предмету — русской литературе и русской культуре*.

В соответствии с этим, в нашей книге сделан акцент на *ведущей* категории русского православного христианства и ее отражении в литературных *произведениях* различных исторических периодов. Репрезентативность при этом обеспечивается не исчерпывающей полнотой литературного материала, подвергнутого аналитическому рассмотрению, а тем, что анализируемые нами произведения — все без исключения — являются по-своему "классическими". Это произведения первого ряда русской словесности.

Таким образом, данную работу нельзя, конечно, понимать как попытку построения новой истории русской литературы, либо даже как "эскиз" истории литературы. Это, скорее, лишь *материалы* к созданию такой истории, однако материалы, расположенные в определенном порядке и имеющие, как это будет ясно из дальнейшего изложения, *концептуальную* теоретическую направленность. Иными словами, предлагается именно и только новая теоретическая *концепция*, глубоко связанная с доминантным для отечественной культуры типом христианской духовности и осно-

* Автор считает своим приятным долгом выразить признательность Центру изучения европейской цивилизации Бергенского университета (Норвегия), где в рамках руководимого профессором Юстином Бёртнесом и профессором Томасом Хэггом проекта "Риторика и трансляция культуры" он имел возможность закончить свою книгу.

ванная на анализе некоторого количества произведений русской словесности, являющихся, бесспорно, определяющими для различных периодов тысячелетней истории русской литературы, но потому и избранных нами в качестве материала для конкретного литературоведческого рассмотрения, что их значение для отечественной культуры выходит далеко за пределы того или иного историко-литературного периода. На этом конкретном литературном материале, сознательно ограниченном отдельными художественными произведениями, к тому же взятыми только в аспекте их поэтики, детализируются и проверяются положения, представляющие общетеоретический интерес.

М. М. Бахтин в своей последней работе "К методологии гуманитарных наук" поставил проблему "контекстов понимания". При этом разграничиваются малое время современности и большое время, близкий контекст понимания и далекий контекст¹.

В действительности, конечно, одно и то же художественное произведение одновременно принадлежит разным силовым линиям культуры, разным контекстам. Так, роман "Бесы" — это полемический отклик на "передовое и прогрессивное" движение 60-х годов с его идеями революции, атеизма и социализма, занимающее вполне определенное место в определенном периоде истории русской литературы, и, одновременно, "мифопоэтическая модель мира". "Война и мир" — дистанцированное художественное осмысление войны 1812 года, и в то же время изображение *войны и мира вообще* — как универсальных состояний бытия.

Таким образом, выделяются два подхода к пониманию художественного произведения: "историко-литературный" и мифопоэтический, которые при конкретном анализе чаще всего контаминируются. Однако возможен и третий подход, вытекающий из постулата существования различных типов культур, типов ментальностей, которые оказывают глубинное воздействие на создание и функционирование того или иного произведения искусства.

Тот же М. М. Бахтин, как известно, акцентировал особую "нелитературность" Рабле, указывая при этом, что "образы Рабле окажутся у себя дома в тысячелетиях развития народной культуры"². Пытаясь определить своеобразие русской литературы, прежде всего, вероятно, необходимо эксплицировать тот тип культуры, в котором эта литература оказалась бы "у себя дома".

По-видимому, и у русской литературы имеется некоторый "далекий контекст понимания", не сводимый ни к мифопоэтической прародине, ни к псевдогенетическим обобщениям "малого времени". Может быть, выделение и последующее научное описание этого контекста — одна из приоритетных задач теоретической поэтики.

Не является ли, однако, выделение "третьего пути" в изучении русской культуры иным наименованием "национального своеобразия" как предмета изучения? Нет, поскольку типы культур определяются не по узконациональному признаку, а по признаку более глубинному и более духовному: конфессиональному.

Нелишне напомнить, что даже Н. Я. Данилевский, рассматривая славянство, как известно, в качестве четырехосновного культурно-исторического типа, тем не менее, особо подчеркивал, что "религия составляла самое существенное, господствующее (почти исключительно) содержание древней русской жизни, и в настоящее время в ней же заключается преобладающий интерес простых русских людей"³.

Если возможно говорить о культуре христианской, пришедшей на смену культуре античной, то любопытно было бы проследить в художественной литературе (и шире — в истории культуры) специфику, определяемую не национальным своеобразием, а отпочкованием от единого христианского корня. Макс Вебер в классической работе "Протестантская этика и дух капитализма" дал прекрасный типологический анализ именно различных ментальностей, различных образов мира в католицизме и протестантизме. Это разграничение совершенно отличается от разграничения по национальному признаку.

Может быть, одной из актуальнейших проблем теоретического литературоведения является осознание христианского (а именно — православного) подтекста русской литературы как особого предмета изучения. Этот подтекст существует не в "малом времени" современности и не в абстрактном "большом времени", уводящем к мифу вообще, а в некоем третьем измерении, требующем для себя и особого научного инструментария.

По крайней мере, в России, как известно, конфессиональный признак был всегда иерархически выше признака национального. Духовное (духовное самоопределение) значило больше, нежели кровь и нация. Графа в паспорте, оговаривающая национальность — это чисто советское, а не русское изобретение. Советское же изобретение — идея национального государственного раз-

¹ См.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 361–373.

² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 7.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 480.

В этой перспективе "Блудный сын" Н. Гумилева, собственно и открывающий постсимволизм, представляет собой своего рода художественную модель действительного *духовного возвращения* русской культуры на магистральную линию ее развития — после искушений подпитывающего символизм "нового религиозного сознания". Постсимволизм, таким образом, представляет собой особую зону бифуркации для диссипатирующей к началу XX века русской светской культуры. Если считать символизм своеобразным вариантом русского "ренессанса" (точнее второй волной его — вслед за барочной поэзией), то постсимволизм являет собой эстетический аналог последующей "контрреформации" (закономерно воспринятой компетентными представителями "нового искусства" как контрреволюция). По-видимому, вряд ли случайно именно Н. Гумилев⁷⁰ начинает длинный список умертвленных новой властью художников слова, тогда как многие авангардисты естественно и легко вписались в революционное антихристианское переустройство русской культуры, продолжив уже *практически* то "попирање заветных святынь", к которому показали столь явную духовную склонность еще в христианский период отечественной истории.

Конечно, соображения о трансформации соборности в русской словесности, высказанные нами, из которых явствует, что религиозный вектор советской литературы, охарактеризованный выше, определяется *третьим*, решающим этапом трансформации интересующей нас категории, — эти соображения являются пока еще только научной *гипотезой*, нуждающейся в новых исследованиях. Мы полностью отдаем себе отчет и в том, что многие положения этой книги вызовут, вероятно, несогласие. Наша задача, разумеется, состояла вовсе не в утверждении своего видения православно-го архетипа русской словесности в качестве обязательного (тем

ром именно через *отсутствие* этого существеннейшего для православной ментальности источника соборного принципа. Таким образом, в этом тексте присутствует внешнее иудейству авторское видение (изнутри Ветхого Завета невозможно констатировать *отсутствие* в нем *благодати*: с имманентной позиции это как раз вполне самодостаточная система, не нуждающаяся ни в каком "продолжении").

⁷⁰ В изложении доклада В. Ю. Пореша, открывшего "Гумилевские чтения" 1978 года (сам текст доклада, к сожалению, остался для нас недоступен), указывается, что "докладчик увидел в творчестве Гумилева ту большую нравственную силу, которая активно противостояла духовной деградации русского общества. Гумилев был <...> *эталон*ом *деятельного христианина*" (выделено автором. — И. Е.)" (Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1984. Sonderband 15. С. 12).

более, единственно возможного) подхода к анализу "классических" произведений отечественной литературы. Мы лишь хотели *акцентировать* этот архетип, несколько не сомневаясь, скажем, в плодотворности *иных* типов духовности — для *иных* типов культур. Однако культурная толерантность не должна, как нам кажется, сводиться к сознательному нивелированию глубинных различий между культурами, не должна стремиться к силовому утверждению такого "общего знаменателя", который в действительности так часто является лишь продуктом той цивилизации, которая по тем или иным причинам доминирует в настоящий момент "малого времени". Нам бы решительно не хотелось, чтобы русские православные ценности стали той "частностью", которой можно (или нужно) и пренебречь — ради "консенсуса". Надеемся, что возможные несогласия с положениями этой книги явятся такими необходимыми репликами в научном диалоге, такими "голосами", которые — в конечном итоге — приведут автора и оппонентов к чаемому соборному "диалогу согласия".

Содержание

<i>Введение</i>	3
<i>Глава 1.</i> Православный контекст понимания ("Слово о Законе и Благодати" и "Слово о полку Игореве")	28
<i>Глава 2.</i> Соборное начало в поэтике Пушкина ("Капитанская дочка")	45
<i>Глава 3.</i> Изображение двух типов апостасии в художественной прозе Н. В. Гоголя ("Миргород" и "Мертвые души")	61
<i>Глава 4.</i> Идея соборности в романе Толстого "Война и мир"	83
<i>Глава 5.</i> Идеи права и благодати в поэтике Достоевского ("Братья Карамазовы")	117
<i>Глава 6.</i> Христоцентризм и соборность ("Господа Головлевы" Салтыкова-Щедрина)	135
<i>Глава 7.</i> Пространственная организация литературного произведения и православная традиция ("Студент" и "На святках" А. П. Чехова)	145
<i>Глава 8.</i> Религиозный вектор советской литературы	159
<i>Глава 9.</i> Этическое и эстетическое в поэтике И. Э. Бабеля ("Пан Аполек")	190
<i>Глава 10.</i> Сатанинские звезды и священная война ("Прокляты и убиты" Астафьева)	209
<i>Глава 11.</i> Поэтика литературы русского зарубежья (Шмелев и Набоков: два типа завершения традиции)	238
<i>Заключение</i>	267

Есаулов Иван Андреевич

КАТЕГОРИЯ СОБОРНОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Редактор	<i>Т. А. Каракан</i>
Технический редактор	<i>А. А. Кемпни</i>
Компьютерная верстка	<i>О. И. Гурина</i>

ЛР 040110. 11.10.91. Подписано в печать 30.11.95. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 18,3.

Изд. № 121. Тираж 3500 экз. Заказ № 3183. "С".

Отпечатано с диапозитивов, подготовленных в издательстве

Петрозаводского государственного университета

Издательство Петрозаводского государственного университета

185640, Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Арендное предприятие Республиканская ордена "Знак Почета"

типография им. П. Ф. Анохина

185640, Петрозаводск, ул. "Правды", 4